

История государства и права

УДК 34
JEL: K10

ОСПЕННИКОВ Юрий Владимирович

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», Московское шоссе, 34, город Самара, 443086, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-6092-588X>

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права и международного права Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, Самара, Россия. E-mail: desmandado@yandex.ru

ЗНАЧЕНИЕ ПРИГОВОРА 1582 Г. В ПОЛИТИКЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ ИВАНА IV¹

Предмет/тема. Выявляется и рассматривается такая конкретно-историческая форма коррупции как ложные обвинения и фальсификации официальных документов. Подробно анализируется приговор 12 марта 1582 г., который подвёл итог нескольким десятилетиям антикоррупционной политики правительства Ивана IV, выявляется противоречивый и ограниченный характер этой политики, определивший её результаты к концу XVI в.

Цели/задачи. Выявление конкретно-исторических форм, характерных для ранней стадии эволюции коррупции, объективных оснований коррупции, подходов к противодействию ей. На основе уточнения научных представлений о ранней стадии эволюции коррупции возможно более эффективное противодействие ей в современном обществе.

Методология. Исследование основывается на историко-материалистическом и диалектическом подходе к выявлению коррупции как общественного и правового явления.

Выводы. На основе анализа нормативных актов и нарративных источников выявлена такая форма коррупции как ложные обвинения с целью захвата имущества. В рамках противодействия этой форме коррупции во время правления Ивана IV был предпринят ряд мер, которые дали ограниченный результат. На смену тем формам коррупции, которые удалось частично побороть, появились новые, более сложные по своему характеру, выявленные на основе анализа приговора 1582 г. Главная причина неудачи правительства Ивана IV в борьбе с коррупцией видится в неспособности принимаемых мер затронуть материальные основания конкретных форм коррупции, в силу чего новые управленческие структуры оказались в той же мере подвержены коррупции, как и прежние.

Ключевые слова: *история права, коррупция, формы коррупции, лжесвидетельство, противодействие коррупции, Московское государство.*

History of state and law

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Самарской области в рамках проекта проведения научных исследований по проекту №18-411-630004 «Конкретно-исторические формы коррупции в Московском государстве (XV–XVI вв.)».

Yuri V. Ospennikov, Doctor of Juridical Sciences, Professor of Samara National Research University, Samara. E-mail: desmandado@yandex.ru

THE SIGNIFICANCE OF THE 1582 SENTENCE IN THE ANTI-CORRUPTION POLICY OF IVAN IV

Abstract

Subject / Topic Such a specific-historical form of corruption as false accusations and falsification of official documents is identified and considered. The verdict of March 12, 1582, which summed up several decades of anti-corruption policy of the government of Ivan IV, is analyzed in detail, the contradictory and limited nature of this policy is revealed, which determined its results by the end of the 16th century.

Goals / Objectives Identification of specific-historical forms characteristic of the early stage of the evolution of corruption, objective grounds of corruption, approaches to counteracting it. On the basis of a clarification of scientific insights into the early stage of the evolution of corruption, it was possible to counter it more effectively in modern society.

Methodology The study is based on a historical-materialistic and dialectical approach to identifying corruption as a social and legal phenomenon.

Conclusion and Relevance Based on an analysis of regulations and narrative sources, a form of corruption has been identified as false accusations for the purpose of seizing property. As part of the fight against this form of corruption during the administration of Ivan IV, a number of measures were taken that produced limited results. To replace those forms of corruption that have been partially overcome, new ones have emerged. The main reason for the failure of the Government of Ivan IV in the fight against corruption is the failure of the measures taken to address the material bases of specific forms of corruption. As a result, the new management structures have been exposed to corruption as much as previous ones.

Keywords: *history of law, corruption, forms of corruption, perjury, anti-corruption, Moscow state.*

Изучение историко-юридической наукой конкретно-исторических форм права и государства, из которых состоит последовательное развитие отечественной правовой традиции, испытывает сильное влияние современных теоретико-правовых представлений, которые нередко затмевают для исследователя реальное своеобразие правовых институтов. В полной мере это применимо к изучению своеобразия системы преступлений и наказаний, присущих московскому праву XV-XVI вв., а также отдельных ее подсистем. В этом отношении большое значение для историко-юридической науки является не перенесение на реалии XV-XVI вв. современных представлений о формах коррупции, а выявление реально существовавших деяний, воспринимавшихся обществом в качестве форм коррупции.

В рамках данной статьи не только выявляются некоторые конкретно-исторические формы коррупции в Московском государстве XV-XVI вв., но и показано, насколько эффективной являлась политика противодействия им. К формам коррупции можно отнести в широком смысле различные правонарушения, которые предполагают разнообразные действия должностного лица как представителя власти, в результате которых он преследует не общественный (или государственный), а личный интерес, получая определённые выгоды для себя или близких ему людей.

В системе конкретно-исторических форм коррупции, известных праву Московского государства XV-XVI вв., значительное место занимали ложные обвинения с целью захвата имущества. Ранее в историко-юридической группе эта группа правонарушений никогда не рассматривалась в контексте эволюции коррупции и её конкретно-исторических форм. Упомянутые в публично-правовых грамотах ложные обвинения часто не связаны на первый взгляд с каким-то корыстным интересом. Например, в Медынском губном наказе речь идёт о «недружбе», враждебных отношениях, которые могут стать причиной ложных обвинений, однако уже в следующих статьях того же наказа речь идёт о посулах «в разбойных и татиных делах», что косвенно свидетельствует о мощном коррупционном основании¹.

В других грамотах указывается на масштабы распространения данной разновидности правонарушений, которая влекла за собой серьезные социально-экономические последствия – местные общины не справлялись с выплатой положенного объёма сборов, вследствие чего казна терпела большие убытки². О значении ложных обвинений (поклепов) свидетельствует приписка на оборотной стороне уставной грамоты переяславским рыболовам 1555 г., согласно которой восстанавливались судебные пошлины для устранения «безлепичных поклепов» [1, с. 10].

О распространённости этой формы коррупционных правонарушений позволяют судить записки Генриха Штадена, который приводит яркий пример из центрального аппарата Московского государства: «В Разбойном приказе сидел Григорий Шапкин. Если где-либо в стране – по уездам, городам, деревням и по большим дорогам – словят убийцу, а тот откупится, так его подстрекали, чтобы он оговаривал торговых людей и богатых крестьян, будто и они ему помогали. Так эти «великие господа» добывали себе деньги» [2, с. 383]. Учитывая, что на распространённость этого явления указывают и другие источники, в частности, уставные грамоты, можно с доверием отнестись и к сообщению Штадена. На эту группу преступлений указывал уже Судебник 1497 г., предписывавший (ст. 34) «пытати татя безхитростно», не пытаясь добиться оговора конкретных людей³. Со ссылкой на Судебник об этой форме преступной деятельности пишет С. Герберштейн: «...равно как и те, кто тайно относит имущество в чужой дом и говорит, что оно у них украдено ... подлежат смертной казни» [3, с. 255-257]. Здесь ложные обвинения связаны с подбрасыванием «поличного» - важного элемента для выдвижения обвинения.

Ещё одним преступлением, непосредственно связанным с этой формой коррупции и делавшим её возможной, являлось лжесвидетельство, на широкое распространение которого неоднократно указывается в законодательных актах. Например, в приговоре 22 августа 1556 г. о губных делах именно эта проблема является центральной: «В обысках многие люди лжуг семьями и заговоры великими...»⁴. Вряд ли упомянутые здесь сговоры исключительно были связаны с рассматриваемой формой коррупцией, это более общее явление, охватывающее в том числе и

¹ Медынский губной наказ // Российское законодательство X-XX вв. Т.2. М., 1985. С. 222-223.

² Грамота уставная, данная Соли Переславской посадским людям 11 августа 1555 г. // Шумаков С. Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895. № 5. С. 110.

³ Судебник 1497 г. // Российское законодательство X-XX вв. Т.2. М., 1985. С. 58.

⁴ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века: Тексты. Л.: Издательство «Наука», 1986. С. 39.

сговора с целью выдвижения ложного обвинения и вынесения соответствующего приговора.

Судебник 1550 г. тоже коснулся этой проблемы, установив в ст. 53 уголовную и гражданско-правовую ответственность для недельщика, уличённого в сговоре с преступником (торговую казнь, тюремное заключение и возмещение цены иска)¹. В этой статье рассматривалась ситуация, когда должностное лицо, имея в виду корыстный интерес, вступает в сговор с преступниками, чтобы возвести заведомо ложное обвинение на непричастных лиц. Таким образом, можно увидеть, что самые разные уровни административно-судебного аппарата были вовлечены в эту форму коррупции.

Обращает на себя внимание несоразмерность наказаний, устанавливаемых судебниками для «ябедника», т.е. лица, выступившего с обвинением, которое было признано ложным (в т.ч. это обвинение могло быть и в адрес должностного лица), и для должностного лица, которое через сговор с преступником выносило заведомо неправосудное решение. Для ябедника (который признан «ведомым лихим человеком») уже в Судебнике 1497 г. предусматривалась смертная казнь как и за остальные наиболее тяжкие преступления².

Элемент фальсификации решения, которое выносится должностным лицом, объединяет ложные обвинения с ещё одной формой коррупции, выявляемой по актам XVI в. В боярском приговоре 1557/58 гг. упоминается о сговорах с таможенниками по составлению поддельных полных и докладных грамот на вольных людей³. И для инициаторов, и для содействовавших им должностных лиц предусматривается смертная казнь: «А которые люди впредь учнутнарежати на волных людей полные и докладные, ставкався с таможенники, а в том на них доведут, и тех людей и таможенниковказнити смертноу казнью, как и головного татя». Оговорка-уточнение «как и головного татя» указывает на распространение на это преступление действия соответствующей нормы Судебника 1550 г.

В рамках выявления форм коррупции здесь особое внимание привлекают таможенники, как должностные лица, которые за вознаграждение злоупотребляют своими должностными полномочиями – именно эта группа служилых людей вплоть до 80-х гг. XVI в. ведала составлением специальных книг, куда вносились полные и докладные грамоты [4, с. 21]. Например, из таможенной новгородской грамоты 1571 г. видно ключевое положение таможенников в процессе выдачи полной или докладной грамоты: «А кто купит человека в полницу ... а таможенникомимати с головы по алтыну ж; да таможенником же писати полные грамоты в книги самим да те книги отдавати им дяком, в цареву и великого князя казну...»⁴. Очевидно, что таможенники обладали особыми возможностями для злоупотреблений, чем и пользовались.

Сходный состав преступного деяния – подписки – упоминался перед этим в Судебнике 1550 г. наряду с другими самыми тяжкими деяниями:

¹ Судебник 1550 г. // Российское законодательство X-XX вв. Т.2. М., 1985. С. 107.

² Судебник 1497 г. // Российское законодательство X-XX вв. Т.2. М., 1985. С. 55.

³ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века: Тексты. Л.: Издательство «Наука», 1986. С. 49.

⁴ Таможенная новгородская грамота 1571 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской академии наук. Т.1. СПб., 1836. №282. С. 321.

разбоем, душегубством, ябедничеством¹. Подписку комментаторы трактуют как подделку документов. При этом в ст. 59 Судебника, в отличие от указа 1557/58 г., не конкретизируется, какие акты подделываются, и смертная казнь назначается при наличии признаков «ведомого лихого человека». Видимо, ко времени издания указов эта конкретная форма злоупотреблений таможенников получила особое распространение и потребовала издание соответствующего акта, посвящённого уже не общеуголовной «подписке», а конкретной форме коррупции. В отдельную группу преступных деяний акты XVI в. выделяют действия подкупленных писцов, которые фальсифицируют поземельные акты в пользу монастырей и епископов: «...или которые земли писцы, норовя владыкам же и манастырем, подавали, а называют владыки и манастыри те земли своими...»².

Интересным документом, ярко раскрывающим в том числе проблему лжесвидетельств и ложных исков, является приговор 12 марта 1582 г. Приговор был составлен по докладу казначея Игнатия Петровича Татищева и дьяка Смирного Баженова³. И.П. Татищев – один из видных деятелей опричнины и надо полагать, что неслучайно именно он выступает здесь одним из докладчиков. Косвенно это указывает на значение опричнины в системе противодействия коррупции. При этом надо отметить, что есть и совершенно противоположный взгляд, усматривающий в опричнине преимущественно негативное содержание, в т.ч. и в отношении подверженности коррупционным порокам. Этот взгляд, восходящий к весьма политизированной позиции А.М. Курбского, поддерживается и раскрывается в некоторых современных работах [5, с. 86-102].

Борьба с коррупцией встроена не только во внутривластную борьбу, в конкретно-исторических условиях правления Ивана IV она является элементом более общего процесса становления государственно-политической системы нового типа, абсолютистского государства, и в этих процессах опричнина (а затем Двор) решала одновременно и общеполитические задачи, и задачи борьбы с конкретными проявлениями коррупции. Но в случае с рассматриваемым приговором 1582 г. преимущественно решались более узкие задачи борьбы с конкретными формами коррупции. С другой стороны, как раз то, что доклад исходит от бывших опричных людей (которые, как показано в современной литературе, не становились бывшими, сменив наименование и превратившись в людей государева Двора) [6, с. 45] показывает, что затрагиваемой проблеме придавалось большое значение. Опричники, а затем «бывшие» опричники (дворовые служилые люди), выполняли наиболее ответственные задания, именно на них Иван IV считал возможным полагаться при решении самых разных задач – военного дела, дипломатического, разведки, розыска [6, с. 48] и т.п. Именно они осуществляли служебные расследования в случае умышленного или неумышленного искажения и неисполнения царских приказов.

В приговоре указывается на многочисленные случаи, распространённую практику, которая систематизируется в вводной части, и упоминается ряд

¹ Судебник 1550 г. // Российское законодательство X-XX вв. Т.2. М., 1985. С. 108.

² Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века: Тексты. Л.: Издательство «Наука», 1986. С. 32.

³ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века: Тексты. Л.: Издательство «Наука», 1986. С. 60.

преступных деяний¹. Приводимые ниже группы выявлены на основе текста приговора, их описание приведено максимально близко к тексту, чтобы можно было соотнести конкретную группу с соответствующим местом в тексте приговора.

Во-первых, холопы боярские, представляющие своих господ, и свободные лица, нанимающиеся представлять чей-то интерес в суде, подают заведомо завышенные иски («в жалобницах пишут иски велики»), чтобы затем помириться, согласившись на меньшую сумму. Видимо, поскольку противной стороне проще примириться, чем нести риски и расходы в ходе судебного разбирательства: «бьют челом ябедою в великих исках, а мирятся на малом, потому что в жалобнице писал иск не по делу, и тех по тому же, коли на него доведут, что он, на человека два или три бив челом, мирился в малом...». Во-вторых, «ябедами и кромолами люди проторят» – подача ложных исков, ложных обвинений, что ведёт к ущербу для другой стороны. В-третьих, ложные показания и затягивание дела («в судех лжут и говорят не по делу, оттягая суд, чтоб надолго не вершити»). Четвёртая группа – представители в суде за плату действуют против интересов своего нанимателя, доводя его до проигрыша дела (а те, которые наймутся у исчи или у ответчика стояти в суде за него, а ставаясь с противником, продают своих наемщиков, говорят в суде что не к делу, или что надобе не договорит, и тем своего наймита обвинят»). Наконец, пятая группа – сформировалась целая группа людей, которые предлагают составить жалобницу или иск за деньги, тем самым способствуют подаче необоснованных исков и общему их умножению.

Обозначив, таким образом, наиболее острые аспекты проблемы «лжесвидетельств и ложных исков», приговор определяет комплекс мер по противодействию этой проблеме: 1) при превышении суммы иска, если был выявлен обман, предписывалось взимать ложно приписанную сумму («что искал затейно»), также судебные пошлины, продажу и «проесть» (расходы ответчика на проживание во время суда); 2) если участник судопроизводства «говорит не по делу», т.е. сознательно запутывает суд, его следует подвергнуть торговой казни (бить кнутом), и впредь не следует допускать его до участия в судопроизводстве; 3) так же предписывается поступать с лицами, которые в процессе рассмотрения дела выдвигают ложные обвинения по прежним делам, не связанным с тем, которое рассматривается. Кроме того, с них взыскивалось бесчестие «без суда»; 4) лица, которые предъявляли ложные обвинения в наиболее тяжких преступлениях (убийстве, крамоле и измене царю), подлежали смертной казни; 5) торговой казни подлежали любые лица, солгавшие в «жалобнице» или в суде или составившие ложные доносы, а после битья кнутом их предписывалось записывать в казаки в украинные города, в Севск и в Курск; 6) смертная казнь предусматривалась для «наёмных доводчиков», профессиональных лжесвидетелей, которые, будучи подкупленными противной стороной, давали показания против нанявшей их стороны. С того, кто совершил подкуп, взыскивались сумма иска, судебные пошлины, расходы другой стороны («проесть»), после этого виновный подвергался торговой казни и ссылке в украинные города; 7) для профессиональных сутяжников из числа детей боярских, уличённых в обмане, приговор

¹ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века: Тексты. Л.: Издательство «Наука», 1986. С. 60.

предусматривал полное отстранение от возможности подать иск. Будучи уличёнными в подделке документов или лживом обвинении в крамоле, они подлежали торговой казни и ссылке в казаки в украинные города, при том, что поместья и вотчины подлежали конфискации и раздаче беспоместным служилым родственникам преступника (при отсутствии таких родственников у преступника – другим беспоместным служилым людям); 8) наконец, в заключительной части приговора отдельно оговаривались меры ответственности для должностных лиц судебного аппарата, которые принимали участие в совершении всех вышеописанных преступлений. Нужно особо подчеркнуть, что все рассмотренные преступления были возможны только при условии, что соучастниками являются чиновники, использующие своё должностное положение для прикрытия этих преступных схем.

В тексте приговора не указывается на мотив корыстной заинтересованности должностных лиц, но он подразумевается, учитывая, что именно мотив личного обогащения лежит в основе деятельности остальных преступников, упомянутых в приговоре.

Любопытно, что в отличие от Судебника, в приговоре не дифференцируются меры ответственности: для боярина и для дьяка, для всех должностных лиц, осуществляющих суд («а который судия, боярин, или наместник, или казначей, или диак»), предусматриваются последствия вроде бы без разграничения. С виновного чиновника взыскивается сумма иска, пошлины и расходы, понесённые пострадавшей стороной (т.е. определялась гражданско-правовая ответственность). Меры уголовно-правовой ответственности остаются неопределёнными («в пене что государь укажет»), отдаются на уточнение специального царского распоряжения. Вот здесь, видимо, уже и могла проявляться дифференциация наказания в зависимости от положения провинившегося должностного лица.

Опять же, если в Судебнике 1550 г. для истца, не сумевшего доказать предъявленное должностному лицу обвинение, предусматривалось более строгое наказание, чем для коррумпированного чиновника, то в приговоре 1582 г. на судей возлагается широкий круг обязанностей по проверке поступающих исков и жалобниц, так что простое принятие к производству ябеды или жалобницы «не по делу» уже является основанием для привлечения судьи к ответственности. Таким образом, и прямая помощь судей преступникам, и их неспособность или нежелание увидеть проводимые преступниками через судебные процедуры аферы в равной мере являются формами коррупции, которые подлежат ответственности по приговору 1582 г.

Можно предположить, что этот приговор говорит о тех результатах, которые дали реформы 40-50-х годов. Видимо, прежние способы открытого произвола и неправосудия в новых условиях, в условиях достаточно активной борьбы правительства Ивана IV с проявлениями коррупции, в значительной степени стали невозможны – по крайней мере, в Москве. То есть меры институционального характера, предполагавшие перестройку системы управления, изменение принципов осуществления административно-судебной деятельности, введение новых мер ответственности за коррупционные правонарушения, введение мер позитивной ответственности в рамках системы мер противодействия коррупции дали определённые результаты [7, с. 15-19].

При этом объективные предпосылки для возникновения коррупционных правонарушений не были устранены. Были закрыты возможности для прежних, достаточно «простых» схем реализации частного интереса за счёт общества, поэтому преступники разработали и стали применять более сложные схемы. Более того, если так можно выразиться, уровень «юридической грамотности» преступников существенно вырос – приговор 12 марта 1582 г. говорит о распространённой практике совершения коррупционных преступлений, в которых задействованы лица, на постоянной основе и профессионально представляющие интересы частных лиц в судах. О распространённости этих деяний говорит то обстоятельство, что в приговоре профессиональные лжесвидетели, выступающие в суде за деньги, называются «лихими людьми», т.е. представляются как отдельная группа профессиональных преступников-рецидивистов.

Особое внимание при этом обращалось на такого рода профессиональных сутяжников из числа детей боярских, которые, вместо государственной службы, выступают как представители в судах («ходят в суды за других») или сами по себе предъявляют надуманные иски с целью договориться с ответчиком о меньшей сумме, фактически, об откупе от мошенников («или бьют челом ябедою в великих исках, а мирятся на малом»). Характерно, что приговор предписывает таких детей боярских, на профессиональных началах занимающихся юридической практикой, сопряжённой с преступной деятельностью, впредь не допускать до судебных дел.

Наконец, распространённость подобного рода преступных схем говорит о высокой степени продажности судебного аппарата от дьяков до бояр даже к концу правления Ивана IV.

В целом, предпринятые в правление Ивана IV меры по противодействию коррупции имели ограниченный результат, а новые организационные структуры (местное самоуправление, опричнина, двор) быстро прониклись прежними пороками. К примеру, в опричнине постепенно стали проявляться те же пороки прежнего аппарата управления и суда, с которыми этот институт должен был бороться. В частности, Д.Н. Альшицем было отмечено, что главным признаком подбора новых людей в опричный двор являлся принцип «по родству», т.е. брали прежде всего родственников тех, кто уже служил в опричнине [6, с. 11].

Жалобы на губные органы самоуправления также показывают их подверженность различным формам коррупции, в т.ч. тем, которые связаны с ложными обвинениями и прямыми фальсификациями. Например, это видно в жалобе игумена Кириллова монастыря 1588 г. на губного старосту Ощерина, который, по словам игумена, описал пустые монастырские села и деревни как жилые и теперь они платят дани и оброки и пр. подати с этих земель, а приказчиков и крестьян, приехавших с пошлинами, «мечет в тюрьму, да из тюрьмы вынимав мучит на правеже; да тожденгемлет, а причитает: игумен де ваш и старцы передо мною не вежливы, поминков ко мне не посылают»¹. Монастырская община просит описать монастырские владения, жилое и пустое, другому писцу – т.е. вполне вероятно, что перед нами заслуживающая доверия жалоба, имеющая реальное основание. Все эти действия губного старосты, откровенные фальсификации и властный

¹ Акты, относящиеся к истории Белозерского края // ЧОИДР. 1883. Кн.2. Смес. С. 14-15.

произвол имеют конкретную личную корысть, он вымогает у монастыря «поминки».

Таким образом, приговор 12 марта 1582 г. отражает внутренние противоречия антикоррупционной политики Ивана IV. С одной стороны, эта политика проводилась достаточно активно, имела проявления в разных сферах общественной жизни и принесла некоторые результаты. Судя по всему, для некоторых, наиболее явных нарушений общего интереса в пользу частного интереса в правовом пространстве не осталось места, с ними велась активная борьба. Некоторые конкретные формы коррупции если и не были ликвидированы, то были существенно ограничены. С другой стороны, объективные материальные основания для возникновения конкретных форм коррупции не были затронуты, преобладание частного интереса перед общим сохранялось, поэтому новая управленческая система оказалась точно так же подвержена коррупционным явлениям, на смену прежним формам коррупции приходили новые, более сложные и изощрённые.

Список источников

1. Шумаков (1895) – *Шумаков С. Губные и земские грамоты Московского государства*. М., 1895. 247 с.

2. Штаден (2003) – *Штаден Г. Страна и правление московитов (записки немца-опричника)* // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 380-430.

3. Герберштейн (2008) – *Герберштейн С. Записки о Московии: В 2 т.* / под ред. А.Л. Хорошкевич. Т. I: Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А.И. Малеина и А.В. Назаренко, с ранненововерхненемецкого А.В. Назаренко. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 776 с.

4. Колычева (1971) – *Колычева Е.И. Холопство и крепостничество (конец XV-XVI в.)*. М.: Наука, 1971. 256 с.

5. Золотухина (2015) – *Золотухина Н.М. Государев дьяк Иван Тимофеев: «Назначение чиновников на высокие должности – серьезное и ответственное дело»* // LexRussica (Русский закон). 2015. Т. 104. №7. С. 86-102.

6. Список (2003) – *Список опричников Ивана Грозного* / Подг. текста Д. Н. Альшица // Рукописные памятники. Вып. 7. СПб., 2003. 152 с.

7. Оспенников(2019) – *Оспенников Ю.В. Направления противодействия коррупции в праве Московского государства XVI в.* // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т.5. №3. С. 15-19.

References:

Shumakov (1895) – *Shumakov S. Gubnye and zemskie gramoty of the Moscow State.*[Gubnye i zemskie gramoty Moskovsko-go gosudarstva]. М., 1895. 247 p.

Shtaden (2003) – *Shtaden G. Country and rule of Moscow (notes of the German oprichnik)*//Russia of the 16th century. Memoirs of foreigners [Strana i pravleniemoskovitov (zapiskinemca-oprichnika) // Rossiya XVI veka. Vospominaniyainostrancev].Smolensk, 2003. P. 380-430.

Gerbershtejn (2008) – *Gerbershtejn S. Notes about Moscow state: In 2 vol./under ed. A.L. Khoroshkevich. V.I.: Latin and German texts, Russian translations from Latin A.I. Maleina and A.V. Nazarenko, from Rannenovoverchenemetsky A.V. Nazarenko*[Zapiski o Moskovii: V 2 t. / pod red. A.L. Horoshkevich. T.I: Latinskij i nemeckijteksty, russkieperevody s

latinskogo A.I. Maleina i A.V. Nazarenko, s rannenovoverhnenemeckogo A.V. Nazarenko]. M., 2008. 776 p.

Kolycheva (1971) – *Kolycheva E.I. Holopstvoand serfdom (late XV-XVI century)* [Holopstvo i krepostnichestvo (konec XV-XVI v.)]. M., 1971. – 256 p.

Zolotuhina (2015) – *Zolotuhina N.M.Gorivarevdiac Ivan Timofeev: «The appointment of officials to high positions is a serious and responsible matter»* // LexRussica (Russian Law)[Gosudarevd'yak Ivan Timofeev: «Naznacheniechinovnikovnavysokiedolzhnosti – ser'eznoe i otvetstvennoedelo» // LexRussica (Russkijzakon)]. 2015. V. 104. №7.P. 86-102.

Spisok (2003) – *List of oprichniki of Ivan Grozny/ Prep.of the text by D. N. Alshitz//Handwritten monuments* [SpisokoprichnikovIvanaGroznogo / Podg. teksta D. N. Al'shica // Rukopisnyepamyatniki]. V. 7. SPb., 2003. 152 p.

Ospennikov (2019) – *Ospennikov Yu.V.Directions of combating corruption in the law of the Moscow State of the 16th century // Juridical Journal of Samara University* [Napravleniyaprotivodejstviyakorruptcii v prave Moskovskogo gosudarstva XVI v. // YUridicheskijvestnikSamarskogouniversiteta]. 2019. V.5. № 3.P. 15-19.